

Трое из офиса

пособие по разгильдяйству

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нематрос

Валера Нематрос

**Трое из офиса (пособие
по разгильдяйству)**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Нематрос В.

Трое из офиса (пособие по разгильдяйству) / В. Нематрос —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Все истории про неугомонных друзей под одной обложкой. Много нецензурной брани, но и цензурной брани тоже немало. Смешно, пошло, интересно. Не рекомендуется повторять в реальной жизни - все трюки выполнены вымышленными персонажами. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Январь	5
Апрель	19
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Валера Нематрос

Трое из офиса (пособие по разгильдяйству)

Январь

Антон сделал музыку громче и выбросил окуроч в окно. Январский день выдался ясным. «Мороз и солнце...», – Антон мысленно процитировал Пушкина и оперативно поднял стекло, пока ледяной воздух не наполнил салон. Виктор на заднем сиденье дегустировал пиво, а Валерий Робертович на переднем ковырял в носу. Валерием Робертовичем он был только по паспорту, а по жизни – Валера-Дрыщ. Впрочем, сопли свои он не растирал по салону, а аккуратно упаковывал во влажные салфетки и складировал в бардачке.

– Да ты быдло-интеллигент! – резюмировал увиденное Витя, открывая очередную банку глазом. Системный администратор в миру, в свободное время Виктор Андреевич становился просто-таки Архимедом блядства и Ньютоном пьянства. Открывать бутылки глазом могли многие, открывать банки – только я, – говаривал Витя.

Антон был начальником юридического отдела компании, а Валера-Дрыщ занимал должность старшего аналитика, хотя больше был похож на пьяного обиженного ребенка с трехдневной щетиной.

– Коллега! – обратился к нему с деловым предложением Виктор Андреевич, – не ебанете ли пивка?

Валерий Робертович вытащил палец из носа, чтоб не нарушать дикцию:

– Спасибо за предложение, но я воздержусь. Да и блевануть что-то охота...

– Тормознуть? – Антону не улыбало отмывать салон «Аккорда» от блевотни Дрыща.

– Не, – Валера взял себя в руки, – газани лучше! А еще лучше я газану!

И он трескуче перданул в подогретое сиденье.

Надеюсь, у читателя не сложилось впечатление «быдла на выгуле». Так часто бывает, когда культурные молодые люди устают от масок обыденности, и дают волю своему внутреннему «я».

Компания направлялась на отдых в деревню Полужабово, что в сорока километрах от Москвы. Новый год все отмечали в городе, а сразу после решили снять коттедж с банькой и отдохнуть поближе к природе. Со свежим деревенским воздухом могут сравниться только безотказные деревенские бабы, говаривал Валерий Робертович, а ведь он аналитик, и хуйни не скажет. Правда, выпивши он кричал, что всех китайнок выебет, а всех китайцев посадит на кол, но так, то был уже Валера-Дрыщ, неофициальный представитель Валерия Робертовича.

Съезд с федеральной трассы оказался гораздо лучше, чем предполагалось сначала, когда знали только название деревни. Автомобиль уверенно взял снежный барьер, а Виктор уверенно хлебнул пива. По заметенной проселочной дороге ехали совсем медленно, но все равно доехали за несколько минут.

Поиски нужного адреса не увенчались успехом, пока умный аналитик не позвонил контактному лицу. Лицом этим оказалась тетя лет пятидесяти, бойкая, в меру страшная, здоровье слегка подорвано алкоголем, но коммерческая жилка на ее лице читалась сразу:

– Деньги вперед!

– Бабуля... – начал, было, Виктор Андреевич, но осекся, – то есть женщина... то есть это, девушка... дайте мы хоть глянем на домик-то...

– Домик у тебя в деревне будет с молоком да простоквашей! – отрезала тетя, – а это коттедж!

– Вперед так вперед, – согласился Антон, – но только половину. А вторую после просмотра жилища.

– И это... – прищурился главный аналитик, – если что не так пойдет, мы тебя грохнем, так и знай!

Антон смутно представлял, что может пойти не так при просмотре дома на краю деревни, но поправлять коллегу в его гангстерских представлениях не стал.

Домик оказался действительно приятным как снаружи, так и внутри. Три спальни с большими двуспальными кроватями, просторный холл, вместивший себя и кухню с итальянской мебелью.

– Из самой столицы итальянской везли, – похвасталась бабка, – из Ми... из Ми...

– Из Минска? – помог старушечьему мозгу Витя.

– Точно! – обрадовалась та, – из самого сердца Италии – из Минска!

Валера, даром что аналитик, вникал в подробности, которые не бросались в глаза, ходил, разнюхивал все, Антон в определенный момент даже признал в нем Жеглова.

– Хуясе! – обратил всеобщее внимание Валера на найденный им важный недостаток, – вы говорили, что баня прямо в доме.

Антон подтвердил, что, да, так и есть, говорила. Да и бабка не стала отпираться:

– Говорила...

– А она никуда не в доме!! – развил тему Валера.

– А где? – бабка включила «Штирлица».

– Да вот же она!! – Валера показал пальцем на стоящий в десяти метрах от коттеджа деревянный сруб бани.

– А-а-а, ну да, – затянула бабка, – так вы же пьяными полезете париться, а для пьяного хлопца десять метров по снегу – не круг...

– Минус двадцать! – Валера посмотрел на термометр, который всегда носил с собой, намекая, что за такую подставу можно скинуть столько же процентов с цены.

– Грабеж! – возмутилась предпринимательница, – это ж на улице минус двадцать градусов, а у вас внутри будет плюс сорок! Сложите две величины – будет плюс двадцать. А плюс двадцать – это как в Сочах...

В итоге каждый остался при своем – бабуля укатила с бабулесом, Антон с хорошим настроением, но без денег, Валера с соплями и обширными аналитическими познаниями, Виктор Андреевич со своими принципами и бутылочкой пива.

– Ты нас наебал, – грустно констатировал Витя полчаса спустя. Они сидели в холле на кожаных креслах и хлестали малыми порциями виски.

– Поддерживаю! – Антон добавил словечко, – еще вчера с твоих слов я был уверен, что Полужабово – это инкубатор проституток всея Москвы!

– Недоразумение, – пожал плечами Валера, – но если так хочется секса – подрочи... Результат тот же.

– Ты нас наебал! – повторил Виктор Андреевич, – это так же, как если бы я пообещал тебе водки, а сам тупо ебанул в печень кулаком. Результат тот же...

– Не ссорьтесь, – внес внезапное, но довольно логичное предложение Антон, – не хватало еще, чтоб вы из-за блядей, к тому же виртуальных, себе морды лица офотопили.

– Он мне не соперник, – показал на Валеру-Дрыща системный администратор, и это было правдой. Если Валерий Робертович и мог силой диалога разрешить конфликт, то в случае неудачи и предстоящем после этого мордобое был не полезнее резинового хуя...

– Дайте все-таки сказать, – продолжил Антон, – есть у меня одна интересная идея. Попробую доступно объяснить ее суть. Вот ты, Виктор Андреевич, понимаешь суть игры между мужчиной и женщиной?

– Какой нахуй игры? – решил уточнить детали Витя. Он смутно представлял себе, во что можно играть с женщиной. Не в покер и не в футбол определенно.

– Ну, самой сути процесса завоевания мужчиной женщины, флирта, перехода к более тесному общению, а затем и к близости...

– Не, – уверенно ответил тот, – не понимаю. Я просто предлагаю женщине еблю, а потом ебу. Ну, а проститутку сразу ебу, без предложения.

– А я о чем, – улыбнулся Антон, – это ж неинтересно, просто ебать, а тем более заплатить. Где соревновательный момент? Где дух соперничества?

– Вообще-то, – подал голос Дрыщ, – я приехал сюда попариться и пожариться. Мне соперники нахуй не нужны.

– Объясняю правила, – Антон не особо обратил внимание на реплику Валерия Робертовича, – у нас есть три дня. Три участника. У каждого по одному члену...

Да, да, по одному, согласно закивали Витя с Валерой.

– ...и призовой фонд в пятнадцать тысяч рублей, любезно предоставленный самими участниками...

Нет, нет, замотали головами сисадмин и аналитик, нет никакого фонда.

– Бля, да вы че? – Антон решил взять коллег на понт, – жалкая пятера за право называться лучшим! Скидываемся и ниибет!

– С зарплаты, – уточнил аналитик. На том и порешили.

– Щяс мы перестаем бухать, – продолжил Антон, – и выходим в народ. Находим среди народа женщин, разводим, шпилим, зарабатывая тем самым баллы. Одна дыра – один балл.

– Не совсем ясно, – аналитик опять за свое, – а если я ее в обе дыры отпердолю? А если вдвоем одну телку в одну дыру, или вдвоем в обе дыры?

– За каждую дыру по баллу. За два смычка и баллы пополам. Документальное подтверждение проникновения в каждое отверстие путем фотографирования оного. Еще вопросы?

У Вити вопросов не было, он уже обувался у двери:

– Щясливо, неудачники!

Это могло означать только одно – соревнование началось.

* * *

Гена сидел на пассажирском сиденье служебной «лады» и злился. Что справедливости в этом мире нет, он понял еще в далеком детстве, когда одноклассники пиздили его за школой и отбирали карманные деньги на завтраки. Потом он вырос и стал полицейским, но справедливости в мире больше не стало. Начальник управления полковник Сивощев не жаловал Геннадия Ступора, и скорее всего, считал говном, но точно Гена не был уверен. Почему так вышло, тоже оставалось для него загадкой. Может из-за того, что на Генино место должен был придти племянник Сивощекова, но у Гены был свой дядя в Москве, и ситуация решилась в его пользу. А может, потому что на одном из вечеров культуры Гена немного поимел Алену Сивощеву и потом культурно отказал ей в продолжении романа. Но ведь тогда он был не тверез, а она была просто Алена.

Так или иначе, когда его коллеги зашибали прибавку к денежному довольствию на федеральной трассе, он патрулировал деревенские улицы, отслеживая велосипедно-тракторные нарушения. Единственным плюсом в такой службе была Наташа, продавщица в продуктовом магазине «Агриппина». Гена совершенно не мог понять, почему такая девушка до сих пор не уехала в Москву и не стала моделью или там киноактрисой. Он догадывался, конечно, что она высоконравственная девушка, и через постель пройти не готова даже ради искусства и хороших денег. А вот насчет себя Гена не был так уверен. По всему выходило, что его имеют, и

имеют неслабо, только вот искусство от этого не получало никакой выгоды, да и сам Гена в общем-то тоже.

– Степаныч, – обратился он к напарнику, – давай, что ли, прокатимся еще кружок, авось хуйло какое порядок нарушает.

* * *

– Федор Никитич, ни в какой долг я вам водку не отпущу, – Наташа крепко держала оборону, – вы и так нам должны больше, чем Греция Евросоюзу!

– Ну родненькая, – взмолился сенегал, – ну последнюю литрушечку, – наличие в этой жизни какого-то евросоюза было для него откровением, а про Грецию он слышал только, что там есть все.

– Даже пробку понюхать не дам, – девушка уперла руки в боки, что означало, что разговор окончен.

Настроение у Никитича упало, а вместе с ним упал и сам Никитич. Он попытался было схватиться за свои усы и подняться на манер Мюнхгаузена, но ничего не вышло. Вдруг чьи-то руки – не меньше двух – подняли его и прислонили к стене.

– Мерси, – сполiglотничал интеллигент-бухарик и повернулся к спасителю. Им оказался мужчина лет тридцати с небольшим, неместный, и разодетый к тому же в дорогие по местным меркам шмотки.

Таинственный незнакомец, мгновенно выяснив сущность Никитича открыл дверь и аккуратно выставил того из магазина, а уже затем направился к прилавку.

Наташа поняла, что это ее шанс и принялась мило улыбаться. Незнакомец оценил этот жест:

– Здравствуйте, красавица!

К Наташе никогда еще не обращались на вы, и красавицей не называли, хотя она и вправду была хороша собой.

– Здравствуйте! – девушка немного смутилась и покраснела для приличия, – за покупками к нам?

«Нет, блядь, посрать зашел» – подумал Антон, но вслух произнес:

– За вами!

– За мной? – еще сильнее удивилась Наташа.

– Ага, – в этот момент Антон представлял собой само очарование с примесью брутальности, – хочу забрать вас в бунгало на берегу тихого океана, любоваться на закат с бутылочкой шираза и омарами, а потом закружить вас в танце.

«Нихуясе» – подумала Наташа, но вслух сказала:

– Нихуясе!

– Меня зовут Антон, – парень был настроен серьезно, – а до сколько вы работаете?

– До шести вообще-то, а сейчас только двенадцать... – неуверенно ответила девушка, – меня, кстати, Наташа зовут.

«Если бы мне это было важно, я бы спросил и сам», – подумал Антон, но для соревнования это не имело значения. Имело значение, даст ли она в жеппу, но об этом пока спрашивать рано.

– Тогда я найду за вами в шесть?

* * *

Иванов шел по улице, кутаясь в пальто. Спаситься от холодного, пронизывающего ветра было решительно невозможно. Иванов смотрел по сторонам, примечая все, что могло быть

полезным. На его неприметном лице «типичного советского инженера» выделялись только глаза. Серые, глубокие, с большими зрачками.

Иванов был здесь впервые, и, скорее всего, вряд ли будет когда-то еще. Таковы его правила. И эти правила он нарушать не собирался.

На первый взгляд Иванов шел куда-то, погруженный в свои мысли. На самом же деле, он уже десять минут шагал на расстоянии за женщиной с сумкой, топающей с местного подобию рынка. Дура жаловалась бабке на рынке, что мужик ее, дальнотойщик, в буран попал, сутки на дороге в караване стоит. Что, мол, скучно ей без него дома. Ну, блядь, вечером будет весело и без всякого мужа. Иванов отследил, как женщина зашла в калитку, запомнил дом, покурил, наблюдая за окрестностями.

Внезапно в него врезался пьяный дебил:

– Простите великодушно...

– Аккуратнее надо быть! – негромко ответил Иванов, затем бросил окурок в сугроб и направился в «заведение». Так называл местный контингент занюханную пивную на окраине.

* * *

– Не хотите потрахаться? – Виктор Андреевич наклонился через лоток к продавщице мяса.

– Что-о-о? – женщина опешила. Видимо, такое предложение оказалось ей в диковинку.

– Попьем водочки, попаримся в баньке, а потом я вас трахну, – Витя представил развернутую форму плана, – вы, кстати, в жопу даете?

– Хам! – возмутилась тетя, – убирайся отсюда, чтоб духу твоего здесь не было!

Витя поспешно ретировался, пока она своими криками не привлекла совершенно ненужного внимания к его персоне.

– Эх, Марина Дмитриевна, – услышал он откуда-то слева, – Сережа то в метель попал. Дорога в снегу, все грузовики стоят. А снег, говорит, все валит и валит. Так вдоль колонны машина катается, в ней за полдня кипятков с двадцати до ста рублей за литр подскочил. Хоть догадаться бензин утром залить в бак до верха, сейчас уже по шестьдесят за литр с бензовоза.

Эта информация была важна для Вити, и он прислушался. Вот он шанс на первые очки в зачет. Вите даже показалось, что это не тетя, а говорящая пизда. Лица ее Виктор Андреевич не видел, но голос был приятный. Пелотка дожаловалась, купила творог, и направилась в сторону дома.

Витя хотел подкатить к ней прямо на улице, но памятуя о недавней неудаче, решил составить план. Он выследит тетю до дома, а потом тихо заберется в хату и скажет, что ошибся номером. Дома. Получится, как в «Иронии судьбы» – «Ах, это не Москва, это Полужабово?.. простите, ошибся... какая хуйня этот ваш творог... давайте поебемся...» План был хорош, если не сказать – гениален. Новый год наступил всего три дня назад, Витя уже чертовски пьян, тетя одна и ждет мужика. Задумавшись, Виктор Андреевич врезался в какого-то хера в пальто.

«Гондон, – подумал Витя, – совсем не видишь что ли, куда стоишь!!»

– Простите великодушно... – произнес он вслух.

– Аккуратнее надо быть! – проямлил ему вслед хер в пальто, но Витя уже не слышал этого.

* * *

Уже стемнело, и Гена глянул на часы – половина шестого. Скоро пора ехать к Наташе. Он частенько, когда дежурил, подъезжал к магазину и отвозил ее домой после окончания смены. Так продолжалось уже целый месяц, и, несмотря на то, что Гена был знатным распиздяем, при

виде Наташи, он превращался в скромного прыщавого юнца, который не то что про еблю, про погоду с ней стеснялся говорить.

– Давай, Степаныч, к «Агриппине».

– Опять девку эту повезем? – Степаныч усмехнулся в ус, – смотри, прошлепаешь так, заберет ее кто-нибудь. Девка она вроде ничего. Так что давай ка, пригласи ее на кофе или кино посмотреть. А то встречаешь-провожаешь и все бескорыстно, ради любви. Ты – Хатико блядь.

– А ты, Степаныч, не базарь! – взъерепенился Гена, – вот сейчас возьму и приглашу!

– А давай! – Михаил Степанович повернулся к нему, – а коли нет – обедом меня угощаешь всю неделю!

– Идет, старый, – согласился тот, – а если да?

– А если да, то тебе и так жирно будет. И с девкой замутишь и от меня че-нить поимеешь. Поэтому хуй тебе в сливочном масле.

Условия спора были неравны, но для Гены важнее была моральная подоплека, и он согласился.

Степаныч притормозил, подъезжая к повороту. Внезапно справа на полном ходу выскочила иномарка и так же на полном ходу умчалась вдаль. Степаныч ебанул по тормозам и машину занесло.

– За ним блядь! – гаркнул Гена, слегка приложившись головой о стекло.

* * *

Валера прекрасно знал правило, что чем дольше запрягаешь и тише потом едешь, тем дальше доберешься и обязательно первым окажешься на финише. Поэтому выпроводив Антона и Виктора, он сел бухать один, потому что пьяным он становился безумно смелым, и мог общаться с противоположным полом. Прикончив бутылку Чиваса, он взял со стола ключи от хонды Антона, причесался и пошел на охоту.

Выехав на центральную улицу деревни, Валера заприметил компанию малолетних девчонок. Медленно поравнявшись с ними, он опустил стекло:

– Ух ты, какие шикарные девочки!

«Не такие уж они и малолетки» – подумал Валерий Робертович, разглядев лица.

– Тебе чего, дядя? – поинтересовалась та, что шла в середине.

Валера на дорогой машине в стильных очках и с трехдневной щетиной выглядел несомненно круто. Девки наверняка приняли его за какого-нибудь кавказского решалу и сильно захотели.

– Мне ничего, – улыбнулся он, – я вам хотел помочь. Смотрю – идете, скучаете, развлечь захотелось.

«Эти маловаты все же, в жопу не дадут» – подумал он.

После тридцатисекундного разговора автомобиль Валеры наполнился женским смехом и дымом сигарет с ментолом.

Марина, одна из девушек, сидевших сзади, вытащила зазвонивший телефон, нахмурилась, отключила звук и убрала обратно.

– Макс? – поинтересовалась вторая, Света.

– Ага, – кивнула та, – да пошел он в жопу!

– Один, два, три, четыре, пять, шесть... – посчитал Валера вслух возможное количество очков.

– Что шесть? – поинтересовалась сисястая Лиза, сидевшая на пассажирском сиденье.

– Да, так, проверяю, не разучился ли считать, – отшутился Валера, – а то при виде тебя и дар речи потерять можно.

– Дар речи, говоришь, – хитро улыбнулась Лиза, – а я вот дар речи потеряла бы, если б меня прокатали на крутой тачке со скоростью сто двадцать хотя бы.

– Говно вопрос! – произнес пьяный Валера и утопил педаль в пол.

Машина уверенно разгонялась, оставляя за собой вихрь клубящегося в воздухе снега.

– А-а-а, блядь! – успел произнести Валерий Робертович, завидя слева выезжающий полицейский автомобиль.

– А-а-а, блядь! – процитировали его перепугавшиеся девки.

Тормозить не было никакой возможности, да и желания тоже, поэтому Валера еще поддал газу.

* * *

Антонина Петровна посчитала деньги в кассе, потом сделала пересменку.

– Ну, лети, пташка! – обратилась она к Наташе, – тебя уж наверняка у входа воздыхатель твоя дожидается.

«Блядь, – вспомнила Наташа, – Генка ведь дежурит сегодня. Наверняка уже подъехал. Неудобно получится, сейчас же Антон придет». Гена был неплохим парнем, скромным, приятным в общении (если б не молчал все время), симпатичным. Но, при виде Антона, у нее даже дыхание прихватило, а с Геной ничего такого не было и в помине, разве что один раз срать захотелось.

Девушка вышла на улицу, но не увидела ни Антона, ни Гены. Так что сегодня ее ждал вечер дома с мамой перед телевизором.

* * *

Антон пошатался по деревне в поисках быстрого перепахива, чтоб успеть до восемнадцати, но не преуспел в этом. Все-таки тут ни клубов, ни кафе, ни кинотеатров, а на улицах с бабками ему зажигать не хотелось. Парень глянул на часы. Половина шестого – пора.

Быстрым шагом он топал к магазину. Поначалу один, а потом стал догонять компанию парней, о чем-то оживленно беседующих.

– Я тебе говорю блядь! Они сели в тачку и укатили!

– Да, хуйня получается... – тот, который повыше сплюнул в снег.

– А ты звонил ей? – третий, коротыш с борзой походкой.

– Звонил, – опять высокий, – трубу не берет, сучка!

– А что за тачка? – пузатенький крепыш с сигаретой, – может номера видел?

– А то, йопта! Черный «аккорд» номер 812, буквы не запомнил. Только он ненашенский, у нас тут таких нет, так что не спутаем...

Антон слушал поверхностно, но номер своей машины узнал. Только она вроде у коттеджа за забором должна стоять. Неужели угнали?..

– Парни! – догнал он компанию, – краем уха услышал про машину. Это моя. Только вот на ней никто не должен ездить был.

– Твоя говоришь? – спросил высокий.

– Ну, да, сказал ведь, – повторил Антон, – а что с ней, где вы ее видели?

– Машина – твоя, – коротыш, идущий рядом, не обратил на его слова никакого внимания, – а телки в ней – наши!!

– Так что получай! – крепыш с пузиком наотмашь ударил Антона в ухо. Вернее попытался ударить, потому что уха Антона там уже не было.

– Вы чего, парни? – он сделал еще шаг назад, – говорю же, угнали. Когда вы ее видели??

Но на компанию его слова не произвели впечатления. Его явно пробовали окружить и отпиздить. Высокий выбросил вперед ногу и почти достал удивленное лицо Антона. Дальнейший диалог становился бессмысленным, и парень пустился в стратегическое отступление. Куда бежать, было неважно, важно – как быстро, и Антон старался, как мог. Сейчас он был очень рад тому факту, что каждые выходные играл в футбол. Дыхалка была в тонусе, главное, чтоб ботинки не подвели. Несколько раз ноги проскальзывали и, казалось, что пиздец неимоверно настигнет его, но компания отстала удивительно быстро – три минуты интенсивного бега, и он в одиночестве.

«Да я трахаюсь дольше!» – подумалось Антону. Он стоял на окраине деревни, где не было никаких фонарей. Часы показывали без пяти шесть, а это значило, что пелотка продавщицы сегодня ему не светит.

Захотелось пожрать, да и выпить. Но начинать соревнование с нулем в графе «пелотки» было нерадостно. Антон побрел по улице, размышляя над стратегией победы.

Из раздумий его выдернул звонок. Звонил Виктор Андреевич. Антон выслушал друга, радостно кивая головой, затем подытожил:

– Бегу, йобана, говори адрес!

* * *

Витя аккуратно залез на забор и так же аккуратно ебнулся с него в снег, но уже по ту сторону. Теперь осталось проникнуть в дом. Тетя куда-то ушла, она попалась ему навстречу. Милое лицо, подметил Виктор Андреевич, еще приемлемый возраст – около сорока, достаточно стройная, насколько можно судить по пуховику.

Дверь оказалась не заперта. Другой может и подумал бы, что в доме есть кто-то еще, бабушка печет пирожки или дед опустошает шкалик. Но Валера был не из таких, он решил, что хозяйка просто рассеянная.

Зашел, стряхнул снег с ботинок. Сами ботинки взял в руки и понес в комнату, чтоб не испортить сюрприз. Поднялся по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж – а дом внутри оказался ощутимо больше, чем выглядел снаружи – запихал все вещи под кровать, разделся и улегся ждать.

Внизу раздался звук открываемой двери. Затем шаги. Тут здравый смысл начал одолевать Витю и он с кровати перелез под кровать – ведь женщина, увидев его на кровати спящим, не будет поливать из чайника, не подойдет пососать, а тупо вызовет полицаев, предварительно закрыв дверь снаружи. А так она ляжет, тут вылезет Виктор Андреевич, и все – секс.

Между тем шаги стихли, да и вообще все звуки закончились. Тут снова раздался скрип открываемой входной двери. Человек женским голосом напевал какую-то попсу, и Витя узнал голос – это была хозяйка дома. Но она ни с кем не поздоровалась, и не обмолвилась и словом, хотя кто-то же пришел до нее? «Но я же не аналитик, – решил он, – так что нехуй заморачиваться»

Прошло долгих пять или даже шесть минут, прежде чем женщина сделала все свои дела внизу и поднялась в спальню. Включился телевизор, открылся шкаф, туда перекидывала часть одежды. Потом чье-то тело легло на кровать, и Витя понял, что настал подходящий момент. Он выскочил из своей засады с членом наперевес.

Женщина на постели вскрикнула и схватила первое, что попало под руку – книжку Донцовой в мягком переплете. «Оружие, честно говоря, так себе», – подумал Витя, но вслух произнес:

– Простите за вторжение. Я не хочу причинить вам вреда, я просто перепутал город, случайно оказался у вас под кроватью и очень хочу трахаться...

Женщина на удивление спокойно выслушала монолог голого подкроватного системного администратора и отреагировала не совсем так, как ожидал Витя:

– За секс три штуки. Деньги вперед. Времени час.

Тетя на кровати была очень даже ничего, на вид ей можно было дать лет тридцать восемь – сорок, миловидные черты лица, хорошие сиськи, а главное – она была согласна, пусть и за бабло. Витя вытащил из-под кровати портмоне, отсчитал три тысячи и набросился на нее. Минут через десять, кончив первый раз, Виктор Андреевич подумал и о коллегах:

– Слушай, – начал он диалог, – хорошо мы тут лежим. Ебемся, значит, славно так. А у меня друг на улице мерзнет...

– Полторы штуки сверху за друга.

Этот подход нравился Виктору. Он полез под кровать, вытащил полторы штуки и мобильник. Бабки оказались на тумбочке, а из телефонной книги был вычленен номер Антона:

– Брателло, если не ебешься где-то там, то приходи и ебись здесь. Только поторопись. Какой тут адрес? – обратился он уже к тете.

* * *

Иванов был готов на все сто. Он как раз шел к объекту, когда ему навстречу попалась жертва. Это было даже хорошо, можно спокойно проникнуть в дом и подготовиться. Иванов дошел до калитки, открыл ее, осмотрел двор. Затем уверенным шагом направился к дому. Сколько времени у него было, Иванов точно не знал, поэтому решил ограничиться изучением только первого этажа. Вытащил небольшой нож из ящика, что называется на всякий случай, вымыл руки в туалете, а затем зашел в кладовую и стал ждать. По роду его хобби ждать приходилось иногда часами, поэтому Иванова не напрягало такое времяпровождение.

Минут через десять появилась жертва. Разделась, разулась. Пошла в туалет и громко срала. Иванов возбудился и чуть было не испортил все дело. Он никогда раньше не насиловал срущих жертв, и сейчас еле сдержался, ведь попердывала тетя знатно. Еще бы, на домашнем-то творожке. Облегчившись, жертва вымыла руки и поднялась наверх. Донеслись звуки телепрограмм, и Иванов вышел из укрытия. Выскользнул во двор. Дошел до калитки и просунул заранее подготовленную металлическую пластинку между язычком и собачкой. Потянул за ручку – замок не открывался. Удовлетворенно кивнув, Иванов вернулся в дом. Планируя сделать аналогичную процедуру и со входной дверью, Иванов вытащил вторую пластинку поменьше, но звуки сверху заставили его прислушаться. На втором этаже трахались.

– Еби меня, еби! – кричал женский голос.

– Потаскуха, блядь! – отвечал любезностью мужской.

«Неожиданно, – подумал Иванов, и направился обратно в кладовку. Жертву он уже выбрал, и менять что-то в плане не собирался. Он просто немного подождет.

Через пять минут в дом вошел молодой мужчина, одетый как щеголь, а не дальнобойщик. «Не муж, – решил Иванов, – значит, не будет мордобоя, сцены ревности и всего остального. Но, и план мой не сорвется. А тетя, выходит, реальная потаскуха...»

Мужчина огляделся. Похоже, он впервые в этом доме. Услышал аудиосопровождение траха сверху, снял обувь, пальто, и направился по лестнице на второй этаж. До этой минуты Иванов колебался, просто изнасиловать тетю или сделать то же, но с убийством. Теперь сомнения отпали – придется мочить. Наверху трахались активно, сдабривая сношение громкими репликами, стонами, ахами и охами.

Минут через пятнадцать дверь открылась вновь и вошла девушка.

«Это не Полужабово, – в сердцах выругался Иванов, – это Содом и Гоморра!!!»

Девушка, не раздеваясь, прямоком направилась к кладовке, и Иванов приготовился действовать, но тут она услышала звуки ебли. Замерла, прислушалась, а затем направилась к лест-

нице. По дороге обратила внимание на вешалку у двери, поразглядывала пальто последнего гостя, и затем поднялась наверх. Иванову становилось все интереснее.

* * *

Валера сначала услышал вой полицейской сирены, а потом только различил позади в клубах снега и сам автомобиль копов.

– Пиздец блядь! – выразил в двух словах свое состояние.

– Ух ты, погоня! – Лиза захлопала в ладоши и сиськи ее захлопали тоже.

Света и Марина не разделяли радость подруги:

– Может, остановимся? – предложила одна из них, Валера не понял, какая именно.

– Не лучший вариант, – ответил он, – я в говно, без прав, машина не моя.

Газовать сильнее было опасно, все в снегу – занесет и все, считай, приехали. Валера ехал наугад, уже не разбирая дороги, поворот, еще поворот, жопа...

Машину все-таки занесло, и задние колеса скатились в кювет.

Полицейская машина подъехала мгновенно. Конечно, местные свои дороги знают, как свои же пять пальцев. Вышел инспектор, молодой, наверняка честолюбивый, с таким хер договоришься.

– Лейтенант Ступор! – представился он, – ваши документы!

– Майор Пейн! – ляпнул Валера первое, что пришло в голову, – Федеральная служба исполнения и отжига!

С этими словами он вытащил единственный имеемый в наличии документ – корочки с надписью КГБ. Полицай смутился на мгновение, затем взял в руки «документ» и развернул его. Корочки были пустыми, если не считать двух календариков с Чебурашкой и Росгосстрахом.

– Выйдите из машины! – тоном, не терпящим возражений, произнес коп, очевидно предчувствуя наживу. Валере оставалось только повиноваться.

– Послушай, командир, – попытался договориться он, – я глотнул чуть пивка, документы дома забыл и свои и на машину. А тороплюсь – девчонок в больницу везу в райцентр! Помогите вытолкать, а потом делайте со мной, что хотите? Будь человеком, а?

– Степаныч, – обратился коп к напарнику, – тут нарушитель всего и вся, но благородный типа. Давай поможем, а потом прижучим.

Водитель вылез из машины, с недоверием оглядел Валеру:

– Я б такому не только не помогал бы, я б его на пятнадцать суток засадил, да прав на полтора года лишил...

– Степаныч, мы так и сделаем, – ответил лейтенант, – только у него ж ничего с собой. Отвезем на пост, там оформим. А с девчонками что? – обратился он к Валере.

– Траванулись сильно, – нашелся аналитик, – блюют далеко-далеко, температурят. Надо срочно в больницу.

Лиза оказалась самой находчивой, размазала тушь по лицу, закатила глаза и вылезла из машины:

– Командир, мне пиздец! – и слегка блеванула в снег.

Степаныч вздохнул:

– Водкой, небось, траванулись...

Но, делать было нечего, Гена со Степанычем влезли в сугроб и принялись толкать. Валера прыгнул в салон и начал подгазовывать. Пять минут усилий, и хонда нехотя вылезла на дорогу.

Решение следовало принимать мгновенно, и Валера его принял. Вхуярил по газам, оставляя позади матерящихся патрульных. «Теперь точно обратной дороги нет, – подумал Валера, – поебался с малолетками...» Спаситься можно было, только выскочив на федеральную трассу, а для этого предстояло опять проехать всю деревню.

– Сюда! – вдруг почувствовала себя штурманом Лиза, показывая направо, – теперь влево, до конца, потом направо! Здесь снова влево!

Автомобиль вкатился в переулок, который вел к реке. Все, приехали...

– А-а-а, блядь, – расстроилась Лиза, – точно, направо надо было...

– Ебанутая! – выругался Валера, – мне же теперь пиздец...

Но и тут аналитику подфартило. Слева были открыты ворота, а во дворе не было автомобиля. Валера мгновенно сообразил, что в этом его шанс. Заехал во двор и выскочил закрывать ворота. Копов пока еще не было в переулке. Задвинув засов, Валера сел обратно в машину и прикинул шансы – забор высокий, с улицы транспорт не видно, дорога достаточно укатанная, по следам так сразу не выяснишь, что дальше он не поехал, да и что вообще свернул в этот переулок, а дворов с воротами в этом переулке до-ху-я... так что шансы есть!

– Бля, вот это адреналин! – вздохнула Лиза, вытирая размазанную тушь, – по-моему ты заслужил минет!

* * *

Наташе не очень хотелось домой, но на улице было холодно, для прогулок не самая лучшая погода. Девушка топала домой, переживая, почему же не пришел Антон? А Гена? Может Гена узнал про Антона, разозлился и поэтому не пришел. Да еще и набил лицо Антону, поэтому не пришел и он. Вряд ли, фантастика какая-то. Она ведь только договорилась встретиться с ним впервые. Да и про мордобой совсем невероятно, тут уж скорее Антон набил бы лицо Гене, ведь он такой крепкий с виду. И красивый...

В размышлениях, Наташа добралась до дома. Дернула ручку калитки, но та не открылась. Девушка попробовала еще и еще – хуюшки. Странно – замок вроде никогда не заедал. Оставался единственный вариант – ворота. Они достаточно легко открывались снаружи, если знать секрет. Наташа приподняла щеколду, и створки распахнулись сами. Подошла к калитке – в замке торчала какая-то железяка, которая, видимо, и мешала открытию. Девушка попробовала достать ее самостоятельно, но без подручного инструмента сделать это оказалось проблематично. Придется сходить в кладовку и взять отцовский ящик с инструментами. Зашла в дом, но, сделав несколько шагов, услышала крики сверху. Сначала решила, что мать смотрит телевизор, но потом догадалась, что она просто ебется. Только тогда обратила внимание на чужое пальто на вешалке и на незнакомую обувь. Пальто, кстати, было хоть и чужое, но какое-то знакомое. Наташа попыталась вспомнить, где она видела такое, но не смогла.

Во-первых, ей стало очень неприятно, а во-вторых, очень любопытно, и девушка пошла наверх. Двери в спальню были закрыты, а из-за них раздавались стоны. Девушка собралась с мыслями и открыла дверь.

* * *

Витя поставил Олесю раком и вошел сзади. О том, что тетю зовут Олеся, Виктор узнал совсем недавно, но важнее было другое открытие – она ебалась как одержимая, очень страстно и очень умело. Витя шлепал ее по бедрам, не отводя взгляда от манящего темного ануса. Его член никогда еще не бывал ни в чьей жопе, но сейчас был близок к этому, как никогда.

Выгадав момент, Виктор Андреевич вытащил его из одной дырки и засунул в другую. Хотя, засунул, конечно, громко сказано. Мало того, что жопа не поглотила хуй, так еще и хозяйка жопы вскрикнула, извернулась и зарядила ему пощечину:

– Ты дебил, что ли? – возмутилась она. С глазами размером с пятирублевые монеты, она походила сейчас на лемура, – разрыватель жоп, бля!! Хочешь анал – еще тысячу сверху. Гель в тумбочке, верхний ящик. Мог бы и спросить сначала...

В олеесиной жопе было туго, и Витя чувствовал себя дорожным рабочим с отбойником. Женщина стонала не прекращая. Виктор даже не услышал, как в комнату вошел Антон, разделся, аккуратно сложив вещи в кресле, и зашел с другой стороны. Олеся сначала почувствовала Антона губами, и лишь затем, открыв глаза, увидела перед собой неожиданный хуй.

Позже Антон с Витей поменялись местами, но до этого Олеся проглотила одну порцию спермы, а вторую Виктор Андреевич расплескал по всей ее спине. Антон был чистоплотным, поэтому сначала вытер Олеся ее же футболкой, и только потом вошел в нее. Женщина уже утомилась и была не против покурить, но рот был все время занят, а другими местами она курить не умела.

За таким увлекательным процессом их застала Наташа. Дверь открылась, и девушка вошла в комнату:

– МАМА!!! – вскрикнула она.

– Доча!.. – Олеся выплюнула изо рта витин хуй.

– АНТОН!!! – снова удивилась девушка, бледнея.

– НАТАША! – парень не ожидал такого развития событий, но вскрикнул не столько от неожиданности, сколько от сильно сжавшегося сфинктера Олеся, поэтому так и нависал над ней коршуном глядя на дочь, с хуем в маминой жопе.

– А я Виктор Андреевич, если что, но для друзей просто Витя! – сисадмин тоже удивился, что все друг друга знают, и решил представиться.

Наташа в истерике выбежала из комнаты. Олеся соскользнула с антонова хуя и полезла в шкаф в поисках халата. Антон и Витя переглянулись и пожали плечами. «Ну, хотя бы по одному баллу» – читалось в их глазах.

* * *

Иванов понял, что дело не выгорает, после того, как наверху раздались крики, кто-то звал маму, и ситуация явно выходила из-под контроля. Он вылез из своего убежища, тихо ступая, добрался до двери и выскользнул на улицу. Но тут его тоже ждал сюрприз. Во дворе стояла черная иномарка, водитель которой блаженствовал, сложив руки на затылке, а в районе чуть ниже руля монотонно, но достаточно уверенно вверх-вниз двигалась женская голова.

«Да они тут совсем охуели, – обозлился Иванов, но порадовался, что и это тоже не муж, – слава богу все-таки обойдется без сцен ревности». Правда, путь через ворота был теперь закрыт, а калитку он сам застопорил.

Иванов выбрал единственный путь быстрого съебывания. Небольшой разбег, ногой на бочку для воды, и он на той стороне забора. Только вот приземление оказалось не в белый снег, а в какого-то человека.

– Ай, блядь!! – услышал под собой Иванов удивленный возглас.

* * *

– Бля, Степаныч, хорош, разворачивай! – Гена был очень раздосадован, – ушли, сволочи! На трассе мы их хуй догоним!

– А все по глупости твоей, да неопытности, – Степаныч сбавил ход, – эго тебя переключило – нарушителю пьяному машину помочь вытащить.

Степаныч усмехнулся в усы.

– Дебил я, Степаныч, – Гена ударил себя кулаком по лбу, – так мне и надо, видимо, сидеть в этой дыре, пока не поумнею.

– Ладно, не горячись раньше времени, – Степаныч подмигнул лейтенанту Ступору, – номер-то я запомнил. Сейчас сообщим на пост, только чтоб сразу задерживали. А сам рапорт

поеду, напишу пока. А ты пиздуй к девке своей, развейся. Пригласи в гости, а еще лучше к ней сходи. Давай, подброшу тебя к дому ейному, а сам поеду, документ набросаю.

Лада с синей полосой и надписью «полиция» подкатилась к заветному дому. Гена немного остыл и подумал, что так, наверное, будет даже и лучше. Он в таком возбужденном состоянии, что не будет сиськи мять, а прямо расскажет ей о своих чувствах. Лейтенант вышел из машины, захлопнул дверь и направился к калитке. Но не успел сделать и трех шагов, увидел, как на него через забор летит местный Бубка. Гена машинально выставил вперед руки, но это не помогло, и два тела упали на снег. Левая нога Гены неестественно вывернулась, что-то хрустнуло.

– Ай, блядь!! – прокомментировал эту ситуацию Геннадий, корчась от боли. Летун попытался встать, но подскочивший Степаныч ловко применил дубинку к его голове, и несколько раз к спине. Затем пошли в ход наручники. Гена лежал на снегу и смотрел на небо. Снежинки падали на его ебло, а нога предательски болела до слез.

* * *

Наташа, вся в слезах, сбежала по лестнице, накинула на себя пуховик, впрыгнула в сапоги и выскочила на улицу. Она до сих пор не могла осознать того, что случилось. Ее маму, которая качала ее на руках, пела колыбельные, пекла такие вкусные плюшки, учила ее читать и писать, ее родную мамочку трахали в родительской спальне посторонние мужики, к тому же один из них был Антон, этот бог во плоти, который за пять минут успел забрать ее сердце, а за другие десять секунд разбить его вдребезги... Ей хотелось сесть на снег и разрыдаться.

Во дворе стояла машина, которой не было десять минут назад. Более того, в салоне этой машины происходило таинство сосания хуя. Наташа уже с трудом соображала, все вокруг ей казалось каким-то сюрреалистичным. Какая машина? Какой хуй? Какая мама? Какой Антон?

«У меня истерика» – поняла девушка и бросилась к калитке. Дверь не открывалась и девушка вспомнила, что единственный путь на улицу – через ворота. Проходя мимо машины, она увидела, что на заднем сиденье тоже сидели малолетние бляди, и ей сделалось еще хуже. Передняя перестала сосать хуй, а водитель принялся застегивать брюки.

Наташа подняла засов, выскочила в переулок и опять удивилась, хотя еще секунду назад ей казалось, что удивляться она больше не в состоянии. На снегу лежал Гена и стонал, его нога была неестественно вывернута. Рядом его напарник держал какого-то дрыща в пальто.

– Геннадий, что с вами? – ей почему-то очень захотелось помочь парню.

– Наташа, – сквозь гримасу боли на лице лейтенанта проступила радость, – да вот, особо опасного преступника задержали...

Девушка гневно зыркнула на незнакомца в пальто.

– А скорую вызвали уже? – обеспокоенно спросила она.

– Да какая там скорая, – отмахнулся Гена, – сейчас доберусь до машины и Степаныч меня отвезет.

Девушка аккуратно помогла Гене подняться на здоровую ногу и повела к машине:

– А можно я с вами поеду?

– Конечно можно, – Гена криво, но все же улыбнулся, – мне было бы очень приятно...

Наташа удивилась, как же она раньше не смогла разглядеть в менте такого хорошего человека. Да, жизнь – говно, да ее мать – проститутка, но своей судьбой она будет распоряжаться сама. Жизнь – непредсказуемая штука.

* * *

Антон оделся и ждал, пока Виктор Андреевич достанет свои вещи из-под кровати. Олеся сбегала вниз, но поняв, что дочь уже на улице, вернулась, не рискуя в халате бегать по снежному переулку.

– Ты прости нас, – грустно улыбнулся Антон, – мы ведь хотели просто выебать тебя, а не портить твои отношения с дочерью...

Это было достаточно хуевым утешением для Олеси, на парней она не смотрела, молча одеваясь. Потом ей захотелось срать, и она спустилась вниз.

Парни оделись и пошли на выход.

– Ну, как говорится, беда не приходит одна, – вздохнул напоследок Витя и сгреб деньги с тумбочки. На улице их ждал еще один сюрприз, а точнее сразу три – автомобиль, Валера и малолетние шмары.

– Охуеть! – Валера аж поперхнулся.

– Пиздюк ты, Валера! – Антон покачал головой, – я чуть пиздюлей не получил из-за тебя...

– Да, пиздюк ты, Валера! – поддержали малолетние шмары, – но аппарат у тебя что надо! С этими словами он вышел за ворота – наверное, пошли делать домашнее задание.

Парни загрузились в машину. Прямо за воротами, метрах в десяти раздался вой полицейской сирены. Валера вздрогнул и перданул. Парни посмотрели на него, но ничего спрашивать не стали. Сирена удалялась, и Валеру попустило.

Час спустя они ехали по объездной дороге в сторону Москвы.

– Парни, а минет это сколько баллов? – Валера загибал пальцы на заднем сиденье.

– Полбалла, не больше! – уверенно выпалил Витя.

– Мля, – Валера подытожил, – тогда у меня полтора балла за три минета...

– У нас тоже по полтора, – улыбнулся Антон, – полбалла за каждую дырку.

– Выходит, ничья? – хохотнул Валера.

– Выходит, ничья, – согласился Антон.

«Как ничья? – хотел возмутиться Витя, – ведь за отсос всего полбалла, а если пополам, то ноль двадцать пять, плюс по полбалла за каждую из дырок, итого у нас с Антоном по одному с четвертью».

Но промолчал, ведь проигрывать Валере ему как-то не очень хотелось.

Снежинки плавно танцевали в воздухе свой вальс, а жизнь секунду за секундой так же плавно летела вперед. Тик-так, тик-так...

Апрель

Фред умел ходить очень быстро. Такое уж у него было хобби – быстро ходить. Можно было б даже подумать, что за ним гонится стая доберманов, или вообще Якубович с хуем наперевес. На самом деле ситуация была иной – Фред догонял. Беглецов было двое – молодой парень и толстяк в возрасте. От них исходили флюиды страха, они наполняли воздух и Фред вдыхал их все. Вдыхал чужую жизнь.

– Подождите, уроды! – пробасил Фред. Беглецы не остановились, а задний даже еще немного притопил. Во всех смыслах.

Погоня продолжалась.

* * *

Валерий Робертович в деловой переписке, он же Валера Дрыщ в неофициальных кругах, поднял воротник пальто, укрываясь от не по-апрельски холодного ветра.

– Да, Элечка, все правильно. Распечатай этот долбанный отчет и сунь его в папку на доклад Обьебосовичу. Да, надо сегодня, ведь пятница, шестое апреля сегодня? А отчет за первый квартал мы предоставляем когда? Правильно, в первую пятницу нового квартала. Так что, включи мой компьютер, и в папке «Отчеты» выбери тот, который за первый квартал, распечатай и отдай на доклад генеральному. А я на больничном. Блядь, ап чем речь? На корпоративе завтра буду, это же грипп, а он как мед, вот он есть, и его сразу нет...

«Зачем я выбрал такую тупую пизду в свой отдел? – спросил он себя, положив трубку, и сам же не замедлил с ответом, – Ах, да, она же просто ебется. Бескорыстно. И это ее лучшее качество».

– Алле, блядь! – новый звонок. О корпоративной этике забывать нельзя, – идите нахуй, Валера здесь больше не живет! Да не, дружище, гриппую, вот и неуравновешенный стал. Дело есть? Блядь, буду я завтра, буду...

Валерий Робертович закончил диалог с Виктором Андреевичем, убрал трубку в карман. Как будто завтра и не юбилей компании, а юбилей Валеры, то есть его. И нахуй он всем понадобился?

Валера посмотрел на дорогу. Свободного места между припаркованными машинами на было неожиданно дохуя для пятничного дня. Такие парковочные дырки Валерий Робертович называл «Пизда Берковой». Так вот, если в такую «Пизду Берковой» два мужика спокойно припаркуют каждый по автомобилю, а какой-нибудь Рокко Сиффредди даже лимузин загонит, то женщина-водитель в лучшем случае впихнет свое авто за восемь-десять движений. Женская солидарность, хуле.

В доказательство его слов подъехала девушка на красном Ауди. Валера весело понаблюдал за «театром одного актера» до самых финальных титров, и только потом почувствовал голод.

Рядом благоухала палатка с едой.

Аналитик приценился к чебуреку и купил его. Съел половину. Заметил бродячего пса с грустными, но заинтересованными глазами. Бросил в него остатками лакомства. Пес принялся и сожрал полчебурека в один присест.

– Вообще-то жрать своих – нехорошо, – наставительно погрозил псу пальцем Валера, – это каннибализм блядь!

С каннибалами ему было не по пути, а с электропоездом в Новогиреево по пути, и Валера направился ко входу в метро.

* * *

Антон припарковал свой «аккорд», вылез из него, сделал несколько шагов по направлению к входу. Вернулся, бросил пальто на заднее сиденье. Поежился, не май месяц все-таки, и быстрым шагом побежал к зданию.

– Антон Сергеевич! – ночной менеджер Григорий приподнялся в своем беспесды ночноменеджерском кресле.

– Привет, Гриш! – хуле, этикет, все-таки. Антон не считал Гришу и всю их банду охранников неудачниками. Долбоебами – да, тупыми ослами – возможно, но неудачниками – никогда. Ведь кто такой неудачник по сути? Это такой человек, который в силу определенных причин, будь то лень, слабохарактерность или конец света, не добился того, чего мог бы, а довольствуется малым, а то и вообще ничем.

Так вот, банда охранников в их офисе – это охуенные везунчики. Они были теми людьми, зарплата которых была равна уровню IQ. А получали они, как Антон знал из ведомости, по тридцать тысяч рублей. Антон со своей соткой в месяц по этой схеме недополучал еще тридцать семь штук. Несправедливо.

Короткая дорога через холл к лифтам. Просторная кабина с зеркальными стенками для удобства. «Какой я охуенный сегодня» или «Блядь, ну и уродина. И нахуй я родилась вообще».

Двадцать второй этаж высоты «ГовноГазНефть», что на Пречистенской набережной, был целиком отведен под проведение корпоративов. Как любил говаривать Обьебосыч: «ГовноГазНефть – мы можем себе это позволить!». Он так говорил, даже когда обсирал дужку унитаза.

Сейчас этот слоган был к месту. Весь этаж представлял собой один большой холл с несущими столбами, меж которых были расставлены столы с жратвой. Любители халявы, ясен хуй, пришли пораньше, пока не началась официальная часть, чтоб успеть наебнуть и закусить неофициально. Меж несущими столбами ходили другие несущие столбы с подносами. Антон остановил одного, ухватил устрицу и сунул ее в рот.

Антон заметил Виктора Андреевича и махнул ему рукой в знак приветствия. Витя, этот сисадмин в человеческом обличье, общался с Элеонорой Рузвельтовной из отдела развития, жестикулировал руками, подливал себе шампусика, и опять жестикулировал. Элеонора Рузвельтовна была женщиной бодрой, несмотря на свои пятьдесят лет и вдвое больше килограммов. Она была примечательна двумя вещами – любила есть горох во всех его видах и не знала, какого хуя ее отца назвали при рождении Рузвельтом. Сам Рузвельт Порфирьевич вообще не был ничем примечателен, кроме того, что постоянно ебал мозги своей дочери. По ее же рассказам, естественно.

– Элеонора Рузвельтовна, вы прямо хорошеете день ото дня, – спиздел Антон, но не сдержался и глазом все-таки моргнул.

– Ой, да не льстите вы мне, – опрокинула рюмашку та, – хотя, да, я еще хоть куда!

Антон мысленно загадал оказаться как можно дальше от того места и времени, когда Элеонору Рузвельтовну будут хоть куда. Устрица оказалась кисловата, и требовала срочного запития. Полтишок «Чиваса» отозвался приятным теплом в горле, и Антон определенно почувствовал себя лучше.

– Элеонора Рузвельтовна, я украду вашего кавалера? – Антон подмигнул Вите, намекая, что их ждет дело, и дело это не бухать и трепать языком.

* * *

Света сидела на диване и вела светскую беседу о ебле. Даже не столько о ебле, сколько о высоких отношениях. А думала, понятно, о ебле.

– Ну, вроде как приглашает в кафе завтра, – щебетала Элечка. Все знали, что она дает Валерию Робертовичу, некоторые даже видели это. Сейчас она рассказывала про своего нового ухажера, – такой приятный, галантный, цветы подарил.

– Цветы – хорошо, – согласилась Светка, – а в кафе надо сходить. Ведь первое впечатление о кошельке мужчины можно сделать как раз в общепите.

– Мужик тебе нужен хороший, – вздохнула Наталья Григорьевна, бухгалтер второй категории. На самом деле мужика хорошего она хотела себе, но и молча сидеть не могла.

Света больше слушала, чем говорила. Она всегда так делала, когда не пила в компании со всеми. Когда пила, пиздела, конечно без умолку, но сейчас был не тот случай. Сейчас ей надо было быть трезвой. Девушка покрутила четки, не доставая их из сумочки.

– А вообще он милый! – продолжала Элечка, – такой уверенный в себе, но не пижон. И туалетная вода у него приятная!

«Заебись! Как же это заебись!!» – Света мысленно подъебала коллегу, но вслух промолчала.

– А, Светка, вот ты где! – к ним присоединилась Вика, – привет, девчонки! Тут типа форум по интересам?

– Да не, пиздим тут на разные темы, – отозвалась Наталья Григорьевна. Она не знала, что такое форум, но и не стыдилась этого, – тут Эля рассказывает про парня нового.

– Сережа, Женя, Гриша, Федя, Валера? Кто в этот раз? – то, что многие держали при себе, Вика всегда произносила вслух.

– Борис, – улыбнулась Эля, – он хороший.

– Ясен хуй хороший, – Вика жгла дальше, – только ты не давай ему сразу. А то вдруг он днем хороший, а ночью – говно. Узнайте друг друга поближе, в кино сходите на первый ряд, в парке погуляйте. Днем. А мы с тобой, подруга, – это уже предназначалось Свете, – пойдем, покурим. Сейчас, например.

* * *

Иосиф Аммосович, генеральный директор ОАО «ГовноГазНефть-Золото» прибыл последним. Он всегда прибывал последним. Любил, когда его ждали. Нет, туда, где раздавали бабло, он наведывался первым, или на совет директоров «ГовнаГазНефти» прибегал за час до, но в своем филиале, который занимался золотом, он был царем, а местами богом, поэтому любил заставить себя подождать.

Мероприятие было торжественным, но не совсем официальным, поэтому отмашки хуярить никто не ждал. Иосиф Аммосович поморщился, пообедав взглядом всех присутствующих, и направился к импровизированной трибуне во главе стола. Кивком головы поздоровался с аналитиком, Валерием Робертовичем, молодым, но перспективным парнем, только несобраным слегка. «Пиздявый разгильдяй» называл его про себя Иосиф Аммосович. Что самого Иосифа Аммосовича называли Обьебосычем, он не знал.

Сотрудники начали замечать руководителя, опускали рюмки, поворачивали головы, стирали с морд пьяные улыбки и нацепляли трезвые. Гендиректор добрался до места, схватил толстыми пальцами виноградинку, сунул в рот. Разговоры стихли окончательно.

– Уважаемые коллеги! Дорогие мои друзья! – начал официально набивать подчиненных Аммосович, – я бесконечно рад видеть вас всех сегодня здесь! Повод к тому же весомый, хе-хе,

юбилей нашего славного филиала, не побоюсь этого слова – золотого фонда «ГовнаГазНефти». Ровно четыре года назад был подписан приказ о создании ОАО «ГовноГазНефть-Золото», ровно четыре года назад мы с вами, не со всеми, конечно, приступили к великим свершениям, и, несомненно, добились огромного успеха в этом! Ура, товарищи!

С этими словами он поднял бокал игристого, любезно предоставленный ему каким-то лизоблюдом, чокнулся дистанционно со всеми, и опрокинул залпом.

– Музыка! – махнул рукой он.

На небольшой сцене уже было готово оборудование и инструменты. Группа «ГГНЗ», составленная из сотрудников фирмы, всегда хуярила свои хиты на любых корпоративах, задвигалась. Солист Виталик Ребристый уже топтал примочку и дул в микрофон, а басист Жора, фамилия которого была никому не интересна, дул флякон. Раздались первые аккорды песни «ГовноГаз-Гимна», и Иосиф пошел в свой кабинет. У него еще были дела, и дела эти были явно важнее нытья ГГНЗ.

* * *

Номер один припарковал «Транспортер» на соседней улице. Номера со второго по десятый повывезали из кузова. «Девять из ларца, гомосеки без лица» – подумал номер первый, закрывая автоматическую дверь. Насчет без лица все было точно – маски есть маски, а насчет гомосеков номер первый не осмелился произнести вслух, чтоб самому не остаться без лица. По крайней мере, без нормального лица. У него было минут десять, и номер один закурил сигарету.

– Бля, отвечаю, – номер три хлопнул по плечу номера восемь, – во-о-от такие сиськи, что твоя голова!

Номер три показал руками размер средних таких арбузов.

– Фу, блядь, мерзость, – ухмыльнулся номер девять. Он представил телку с грудями как две головы номера восемь с жесткими кучерявыми волосами и усишками.

– Нихуя ты не понимаешь в сиськах, – номер три махнул рукой, – вот реально головой бьешься, и пружинит ояебу как...

Номер девять и раньше знал, что третий реально ударенный головой, как Тарантина в «От заката до рассвете», но что так ебануться можно от удара об сиську стало для него откровением.

Они достигли заднего двора за парковкой. Здание из стекла и бетона было погружено во тьму, и только на одном из верхних этажей горел свет, причем целиком на всем.

– Че за хуйня? – выразил недоумение номер девять.

– Да я тебе говорю, сисяндры! – номер три опять за свое, показывал уже баскетбольные мячи.

– Я про это! – девятый показал рукой вверх, на свет, – здание должно быть пустым сегодня...

Охранников он тоже, как и Антон, не считал за людей.

– Похуй, отмены не поступало, значит действуем. Четвертый – ты к серверу, камеры твои. Шесть минут. Седьмой – ты в холл, оценивать ситуацию, если что сигнализируй. Все остальные – курить. Через шесть минут приступаем.

– Номер один, готовность шесть минут, – это уже по рации в кабину грузовика.

* * *

– А вы куда? – Гриша оторвался от телевизора, услышав шаги, а затем и увидев незнакомые лица. Незнакомые лица походили немного на инопланетян, но еще больше на лица, которые могут дать ему пизды без всякого повода прямо сейчас.

– Пока сюда, – показал пальцем в никуда один из незнакомцев.

– А теперь, наверное, сюда, – второй ебанул Гришу абсолютно без всякой на то причины.

Ночной менеджер почувствовал себя дурно и откинулся на спинку кресла. Третий незнакомец пихнул ему в рот кляп, похожий на теннисный мячик, а может быть теннисный мячик, похожий на кляп. В любом случае дискомфорт Григория Размиковича только усилился, и в сознании промелькнуло, что без вмешательства доктора такое инородное тело изо рта потом не вытащить. О варианте с патологоанатомом Гриша не подумал. Охуенский строительный скотч превратил его в стойкого, но немного уставшего оловянного солдата.

– Итак, – первый незнакомец заговорил, – у нас есть от одной до тридцати минут.

Предсказать приход опоздавших или уход спешащих с вечеринки было решительно невозможно, поэтому надо было поспешить. Ведь связанный охранник – хорошо, а обнаруженный связанный охранник – плохо.

* * *

– Блядь, Эля, ну ты же умная женщина! – Валера заволновался, – неужели ты, распечатав отчет, даже не глянула на него???

– Валерий Робертович, как можно? – Эля чуть не плакала, – я напечатала, посмотрела визуально, таблички, там, графики, вроде оно. Ну, я и положила в папку. Вы же сами меня просили...

– Просил, – вздохнул Валера. Он действительно просил распечатать ее отчет, но не этот же. Позавчера ради смеха он набросал отчет, в котором в ультимативной форме предлагал Обьебосычу сожрать свой хуй, ну и еще всяких важных постулатов. Тогда это было охуенно смешно, сейчас уже не очень.

– А там сильно страшно? – Эля волновалась.

«Блядь!!! Сильно страшно будет, если ты залетишь, я на тебе женюсь, и наши дети пойдут в тебя!!!!» – хотел уже произнести Валера, но выдал в эфир другое:

– А вот если бы тебе в деловом письме предложили хуй пососать, – начал он доходчиво объяснять, но спохватился, – ах, да, в твоем случае неуместное сравнение...

Эля не поняла подьетки и не обиделась:

– А ты так и написал что ли?

– Угу, – Валера погрузился, – там еще что-то было про газовую трубу в жопу, ну и еще по мелочи.

Элечка совсем затихла. То ли представляла про газовую трубу, то ли просто уже думала о другом.

Теперь вариантов не было. Необходимо попасть в кабинет Обьебосыча и подредактировать содержимое папки. Валера почесал репу и направился к лифту. Навстречу ему попался Обьебосыч. Только пришел, мать его, типа ждите меня, начальника. Ну, и хорошо, если быстро рвануть, то можно три раза успеть спиздить отчет. Новый, конечно, напечатать он не успеет, но уж лучше просто получить «ай-ай-ай» в понедельник утром за отсутствие отчета, чем получить все то же самое плюс обходной лист и общую немую поддержку за тот отчет, который уже в папке.

Валера нажал на восемнадцатый.

* * *

– Ну че, бабы, готовы? – Светка на правах старшей взяла инициативу в свои руки.

Они сидели за столом в кухне двадцать первого этажа. Свет выключен, по крайней мере, электрический. На столе свечи. Телефон не звонил, значит, Гриша паялся в телевизор, а не

в камеры, и не видел, что они прошли на двадцать первый, чего делать, в общем-то, было не положено в нерабочее время.

Свечи стояли на столе не беспорядочно, а охуеть как упорядоченно – на краях пентаграммы.

– Бля, ну крысиную голову я принесла, – Вика вытащила на стол подтверждение своих слов, – а с девственной плевой че делать?

При этих словах она посмотрела на своих коллег по спиритическому сеансу. Ни одна из них не походила на девственницу. Светка трахалась чаще, чем дышала, да и Лариска писюнов наверняка в своей жизни навидалась.

– Все нормально, – Светка успокоила подругу, – я вот в жеппу ни разу не давала. Значит я – анальная девственница. Вот, держи!

С этими словами она достала из сумочки прядь волос. Очевидно, они были срезаны с ануса, но проверять это Вике не хотелось, да и точного метода идентификации она не знала.

– Ну а ты че? – Света прищурилась, – принесла?

– А то, – Лариса вытащила из своего саквояжа склянку с кровью, – двадцать кубиков и ниибет.

– Бля, ну, вроде все есть, – Светка злоеюще заскрежетала зубами, отчего Ларисе захотелось какать, а еще – уйти.

Вика собрала всю принесенную херню, сложила в центр пентаграммы. Девушки расселись на свои места с таким серьезным выражением лиц, как у пилотов стратегических бомбардировщиков перед вылетом. Взялись за руки, ну это уже не совсем как пилоты. Света принялась громко, но неразборчиво бормотать какие-то слова, скорее всего на латыни или просто хуйню, из которых Лариса могла разобрать только анус и гипоталамус.

Огоньки свечей начали колыхаться и Лариса удивилась. Ветры пускала строго вертикально вниз, в седушку, а отдача идет в свечи на столе. Мистика.

– Сталин, приди! – закончила свой пассаж Светка, – Иосиф, предстань!

Лариса так и не поняла, нахуя им понадобился именно Сталин, вполне можно было довольствоваться Элвисом, но Вика настояла на грузиновожде.

Свечи к хуям потухли, а в углу началось шевеление. Лариса уже в открытую пердела залпами, но руки подруг не выпускала.

В углу явно стоял человек. Стоял себе, стоял, а потом шагнул вперед.

– Ахуеть! – выдохнула Светка. Человек был в красном свитере с темно-зелеными полосками и шляпе с короткими полями, но это хуй с ним. Его ебло, он было обгоревшим, а на правой руке была одета перчатка с длинными лезвиями. Она немного по-другому представляла себе Сталина.

– Иосиф Виссарионович! – Вика тоже не ожидала такого, но старалась держать себя в руках, – слушай меня! И отвечай!

Фредди Крюгер, а Лариса сразу узнала его, не обратил внимания на девушек, а просто огляделся, увидел дверь и вышел в нее.

«Ну, хоть так, – подумала Лара, – а ведь мог бы и захуярить...»

* * *

Иосиф Аммосович зашел в свой кабинет. Времени в обрез. Достал из сейфа бутылку Гленфарлакса, нацедил пятьдесят грамм в рюмаху. Уничтожил налитый вискарь путем поглощения. Ну что ж. Ситуация явно неприятная, но выход есть всегда.

Примерно месяц назад он по своим каналам выяснил, что его готовят к пенсии. Имя своего возможного преемника он не знал, да и похуй. Ситуация была необратимой, его покровители постепенно отошли от дел, и на текущий момент он и так переработал лишнего. Нет, сам

Иосиф еще чувствовал в себе силы вкалывать, и был уверен, что еще не все дал этой компании, и уж точно не все взял от нее. Но, дела складывались так, что остался в лучшем случае месяц. В ход пошли еще сто грамм. Как четверка Зубкова долетели до желудка с рекордным временем.

Еще год назад, когда Анатолий Эдуардович уходил на покой из совета директоров всего «ГовнаГазНефти» он, директор крупнейшего и важнейшего из филиалов, должен был идти на повышение, но, как говорится, «Йоська предполагает, а боссы располагают». Тот момент стал переломным. В совет вошел свой человек, а Иосиф Аммосович своим стать перестал, а стал хуилом.

Иосиф злился. Его элементарно не ставили в известность о делах в ЕГО конторе. Сегодня вечером вывозят контейнер с пятьюстами килограммами чистого золота. Вывозят мимо него. То есть ему даже знать об этом необязательно. Что это, как не отстранение от дел? Он чувствовал себя президентом Германии или британской королевой – вроде и должность нихуясе, а реально сам может принимать решение только о сексе с секретаршей.

По всему выходило, что до следующей черной поставки драгоценного металла он в своей должности не останется, так что действовать предстояло сегодня. Сто килограммов золота должно стать приемлемым выходным пособием для заслуженного пенсионера. Насчет полиции он не беспокоился – ведь как можно украсть то, чего нет. А этих пятисот килограммов золота не было ни для кого. Правда, был еще вариант утром не проснуться, а вернее – проснуться в плохом самочувствии, рассказать гостям, где золото, а потом уснуть совсем.

Иосиф отогнал плохие мысли и вытащил из сумки купленный сегодня телефон. Второй, с сим-картой, оформленной на Хуя Хуевича, или типа того. Положил на стол. Для дела был завербован отряд «Черных грфиов», безбашенных, но принципиальных робингулов, которые должны были уже находиться на месте. Он успел ебануть еще два стопаря прежде чем телефон зазвонил.

– Слушаю! – пробасил он, включив громкую связь. Важно было не подносить трубку к уху, чтоб не оставлять следов. Ведь при малейшей оплошности любой следователь сопоставит на камерах одновременный диалог грабителей внизу и генерального директора у себя в кабинете. И пусть это не доказательство, понервничать придется, поэтому нахуй-нахуй.

– Мы на месте...

– Хорошо. Пятый этаж, помещение 518. Большой контейнер. Оттуда изъять восемь маленьких. Ровно восемь. Отвезти к месту встречи, буду через три часа. Отбой.

Закончив диалог, Иосиф откинулся на спинку кресла. Надо бы идти ко всем, алиби никто не отменял. Поставил недопитый вискарь обратно в сейф.

И тут зазвонил телефон. Не этот. Но и не основной телефон Иосифа. Какой-то другой телефон. Из-под стола.

* * *

Витя творил чудеса. Он запустил одну струю вниз, прямо в писсуар, а другую вверх, прямо в потолок.

– Да ты – ходячее пособие по физике, – заметил Антон, – сам твердый ояебу, жидкое хуяришь вниз, а газообразное – вверх.

– Ньютон и ниибет! – согласился Виктор Андреевич, потрухивая писюном.

Антон стряхнул пепел в пепельницу на подоконнике.

– Что за дело-то? Че ты там предложить хотел?

– Мля, опасная херня, сразу предупреждаю, – Витя застегнул ширинку, – я тут намерен сам думать над этим, решил с вами посоветоваться. Только Валера нужен. Решать будем втроем, делать, если что, тоже втроем. Где он, кстати?

С этими словами Витя начал шарить по карманам. У него была такая особенность – какой бы стиль одежды он ни соблюдал в текущий момент, на нем все равно был предмет гардероба с большими карманами. Будь то штаны, куртка, рубашка, пиджак, пальто. Похер, одно из них обязательно было с большими карманами.

Витя полез в карман своего пиджака Tom Ford и вытащил оттуда пузырь вискаря. Блядь, ну как он туда поместился? Антон не знал.

– Так что с Валерой? – повторил вопрос Виктор Андреевич, поливая горло жидкостью, – надо его найти, пока я пьяный и решительный. Как протрезвею – все, про дело можно забыть.

– Говно вопрос! – Антон пустил колечко дыма в вытяжку, – шяс мы ему наберем.

Вытащил телефон, нашел в нем Валеру Дрыща и нажал на кнопку вызова.

* * *

До кабинета Обьебосыча Валера добрался быстро. А на месте ему помогла его коммуникабельность. Всем известна способность Валерия Робертовича заводить новые знакомства, ну обаятельный в общении он человек. Половая связь с секретаршей Обьебосыча тоже была плодом его коммуникабельности. Ну, а дальше в ход вступала широко известная «Теория шести рукопожатий», или в данном случае более подходящая «Теория шести хуепиханий», по которой Валера через пять других хуе-пезд наверняка поимел Анжелину Джоли и Дженифер Лопез, а возможно и Барака Обаму, хоть это и не было поводом для гордости.

Но, в данном конкретном случае было достаточно одного звена – дыры секретарши Обьебосыча Марины. От нее (от Марины, не от дыры) Валера знал, что Марина периодически выполняет просьбы Обьебосыча в его кабинете в его же отсутствии. И знал, соответственно, что третий экземпляр ключа от его кабинета лежал в третьем ящике ее стола в коробочке из-под тампонов.

Через минуту Валера был в кабинете босса. В темноте было не так охуенно искать, но фонарик телефона справился. Папка с отчетом лежала в самом верхнем лотке для бумаг, и тут Валера мысленно поблагодарил бога за недалекость, но четкую исполнительность Марины, а ведь могла и в холодильник засунуть, например.

Вытащил отчет из папки и собрался уходить, но внезапный свет в коридоре заставил его передумать. Классический нырок под стол без кувырка и сальто. Замер в позе срущего.

В кабинет вошли. Один человек. Визуально по ногам нельзя было идентифицировать вошедшего, но Валера был уверен, что это хозяин кабинета, он же Иосиф Аммосович.

Валера сидел под столом и анализировал, а это он умел делать хорошо. Обьебосович быстро сбежал с праздника, пусть даже и ненадолго. Значит что-то срочное. Не обратил внимания на то, что кабинет открыт, а может быть обратил, но не придал значения. Значит, Марина тоже распиздяйка и иногда забывала закрывать дверь в кабинет шефа. Это хороший знак. Обьебосыч достал что-то из сейфа. Потом сел за стол и налил что-то куда-то. Потом выпил и еще налил. Это плохо, ведь пьяный Обьебосович есть субстанция непредсказуемая и, зачастую, агрессивная.

Зазвонил телефон. Шеф зачем-то включил громкую связь. Видит бог, Валера не хотел подслушивать босса, но не затыкать же уши.

Диалог оказался коротким. Речь шла про 518 кабинет и про спиздить оттуда восемь маленьких контейнеров. А вот это уже интересно. Что могло быть там, в контейнерах в тайном помещении «ГовнаГазНефти-Золота»? Нет, чисто теоретически Валера допускал, что в них могли быть редкие анализы кала, которые зачем-то понадобилось изъять, но не все, а только восемь особо редких. Но анализирующий мозг вкупе с внутренним голосом твердили про плотный желтый металл. Он чувствовал себя Валерой Джонсом, неимоверно отважным

искателем приключений, даже представил себе афишу «Валера Джонс и последний контейнер с говном 3D».

Обьебосович закончил диалог и налил еще. Выпил. Затем встал и направился к сейфу. Что-то убрал туда.

И тут зазвонил телефон. Его, Валеры, телефон в кармане брюк.

– Я привык улыбаться людям... – надрывался Трофим из динамика, но Валере было никуды не до улыбок, и даже немного грустно.

* * *

Михалыч смотрел мультик про кота в сапогах и бобы. Волшебные бобы не очень впечатляли, другое дело – волшебные бабы. Но в мультиках такое показывать, скорее всего, нельзя. Притоны с волшебными бабами наряды накрывали регулярно и депортировали красавиц в Воронеж/Челябинск/Новосибирск, далее везде...

– Тревога, код пять!!! – пезднул Шытов. Он сидел за пультом.

Началось копошение и недовольные возгласы, в которых сонные полицаи из группы задержания обыгрывали слова «код пять», «хуй», «жопа» и «Шытовблядь». Ровно восемь минут, и они грузились в новенький Хендай Хэ1, а могли бы и быстрее, но срущего сержанта Дыбенко нельзя было бросить, ведь они – команда.

– На Пречистенке «ГовноГазНефть», сработала тревожная кнопка, – Михалыч инструктировал бойцов, – не хуйня, потому что отбоя не последовало.

Через десять минут были на месте. Отделение Головца с «кедрами» повыпрыгивали первыми, Михалыч со своим ПМ мог отбиться только от хомяка, при условии, что тот был без поддержки других хомяков, поэтому вышел в арьергарде. Мутько с «винторезом» занял позицию на углу соседнего здания.

– Вперед! – скомандовал Михалыч, и полицаи Головца бесшумной волной накатили на главный вход. Сам Михалыч и сержант Дыбенко направились к тыльной стороне, где находился промышленный выезд.

* * *

Немного отпизженный и тщательно связанный скотчем Гриша лежал на полу уже минут пять, как у входа показался невзрачный хуй. Хуй смотрел на помещение охраны, сам оставаясь в тени. Но Гришу он не видел, зато Гриша его – вполне. Хуй ничего не делал, просто слился со стеной и палил. И доблестный Григорий Размикович ни за что его не увидел бы, если б смотрел телевизор. А так он связанный, лежит на полу у стены и похож на плинтус, тем более что нападавшие заботливо положили его в самую тень.

Этот черт был явно не с теми тремя хмырями. Может, он вуайерист и хотел посмотреть, как Гриша дрожит? Тогда сегодня он останется без зрелища.

Получив удар по любимому ебалу, Гриша успел коленом нажать тревожную кнопку, так что в данной ситуации он сделал все, что смог. Блядь, да и в здании четвереста человек, так что вряд ли его убьют, тем более, что с ним никто из троих не остался.

Так что, ночной менеджер тоже увлекательная профессия, только вот ноги немного затекают в такой позе.

* * *

– Готово! – доложил четвертый из серверной.

– Номер раз! – Девятый по рации дал отмашку первому подъезжать, с трудом сдержавшись от рифмы.

– Понеслась! – по команде номер три открыл ворота промышленного выезда, а затем и боковую дверь запасного выхода. Четвертый остановил запись с камер заднего двора, шестого этажа, грузового лифта и холла промышленного выезда, поставив туда статичные картинки.

Отряд дружно рванул наверх пешком, а номер девять вызвал лифт. Ног у него мало, их надо беречь. Тем более лифт все равно нужен будет на шестом. Они делали эту процедуру уже раз двадцать, так что никакого волнения у девятого не было. Разве что немного напрягал свет на одном из верхних этажей.

Из за угла с выключенными фарами выкатился «Транспортер» с номером первым в кабине.

* * *

– Блядь, сбросил! – Антон пожал плечами, – есть у меня одна догадка, почему...

– Анечка? – Виктор Андреевич понимающе улыбнулся. Анечка напоминала Вите Анфису Чехову, но не внешностью, и не формами, а тем, что по пятницам с ней был секс. Ну, иногда и по другим дням, в записи, так сказать. Анечка была менеджером по маркетингу и рекламе, и таки да, была очень креативной в постели.

– А кто же еще? – Антон убрал телефон, – давай, рассказывай, что за дело!

– Эх, была не была, – Витя сделал еще глоток, – короче, тут у нас каша заваривается, будь здоров. Правление «ГовноГазНефть» довольно успешно отмывает грязные деньги разными способами. Один из них – чистым, блядь, золотом. Через наш филиал. Периодически, скажу точно, как часто, привозится контейнер. В нем обычно пятьсот кэгэ золота в слитках.

– Ахуенэ! – оставил устный комментарий Антон и постучал по писсуару, – нас не подслушивают? Здесь и писсуаров есть уши...

– Так вот, сегодня вывозят очередной контейнер. Это точно. Не спрашивай, откуда знаю – сказать не могу. Но, со стопроцентной уверенностью скажу, что Обьебосыч не в курсе. Мимо него делается.

– И че? – Антон хмыкнул, – ты предлагаешь спиздить пицот кэгэ золота? Я не унесу столько...

– Я не предлагаю спиздить все. Там один большой контейнер. В нем слитки, стандартные, по двенадцать кэгэ. Каждый слиток в отдельном маленьком контейнере, для конспирации или хуй его знает, зачем. Так что несколько таких маленьких мы вполне могли бы притырить. Да и вообще, пока я просто хотел обсудить эту ситуацию. Валера же аналитик, у него башка варит в правильном направлении. Может, родилась бы идея. Сам-то что думаешь?

– Я думаю нахуй это, – Антон отмахнулся, – пошли, накатим по одной. Я все присматриваюсь к Сосниной из бухгалтерии. Она вроде не замужем, но и тут репутацию держит, никого в себя не впускает. Пойду, приударю.

– Да, – Виктор Андреевич спрятал пузырь в свой бездонный карман, – пожалуй, ты прав...

* * *

– Валерий Робертович, – Иосиф не ожидал такого поворота событий, – объяснись...

Валера крутил в голове варианты отмазки, как адронный коллайдер заряженне частицы.

– Иосиф Аммосович, каюсь, – сделал грустное ебло а-ля кот в сапогах, – заболел, отчет подготовил, но не распечатал нихуя. А тут хлебнул лишнего, охмелел, затем осмелел и поперся к вам. Ачько, так сказать, прикрыть. Виноват...

– А как попал сюда? – к Иосифу возвращалось трезвое мышление.

– А вы как? – ответил вопросом Валера, – Вот. И я так же. Не заперто было.

– А отчет где? – как гестаповец на допросе.

– Отчет? – немножко тупнячка для убедительности.

– Да, блядь, отчет?? – Иосиф не видел в руках Валеры ничего, – или ты его мне уже подсунул??

– А отчет я по дороге выронил, – тупить, так до конца. Тот отчет, который лежал под столом – худший вариант развития событий из всех возможных. Ну, кроме американского ядерного удара.

– Что слышал сейчас? – Иосиф догнал, что ситуация намного неприятнее, чем показалось сначала. Он пытался вспомнить, что наговорил по телефону.

– Ничего, – Валера с радостью тупил, – слышал, как вы бутылку спиртного ополовинили.

– Тогда я тебя уволю к хуям, – осмелел, – за твою выходку.

– Тогда я слышал, – Валера резко перестал тупить, – как вы собираетесь пиздить контейнеры из 518-го. Уж не знаю, что там, но мы в одной лодке. Уволить меня – не лучшая идея. А вот один контейнер – совсем другое дело...

Иосиф Аммосович всегда был красным. Не по убеждениям, а по цвету лица. Но сейчас покраснел еще сильнее. Валере даже показалось, что шеф на правах старшего ему просто въебет. По крайней мере, он сам бы на месте шефа точно въебал.

Но генеральный директор взял себя в руки.

– Пошли.

Они вышли из кабинета, направились по коридору к лифту.

– Значит так, – Аммосович собрался с мыслями и успокоился окончательно, – контейнер ты не получишь, это слишком много. Но в обиде точно не останешься. Обещаю.

– Как скажете, Иосиф Аммосович, – Валере даже стало неудобно. Его вполне бы устроило просто замять ситуацию, но, видать, дело было серьезным, раз Обьебосыч так кипишует.

Аналитик нажал кнопку вызова лифта.

– Гондон ты, Валера, – по-отцовски похлопал его по плечу босс, – гондон с усиками и вкусом клубники.

К чему такое сравнение, Валера не понял, но ситуация резко отвлекла его от мыслей на этот счет. Двери лифта открылись, и на них шагнул натурально Фредди Крюгер.

* * *

Номер семь жопой чувствовал стражей порядка. Девятый часто говорил ему: твой шоколадный глаз зорче двух других вместе взятых. И это было правдой. Седьмой однажды даже книгу попробовал так почитать, чтоб глубинный смысл понять, но ничего не вышло, срательник совсем не разбирал буквы, а может просто спинной мозг передавал в таламус информацию в искаженном виде.

И в этот раз жопа его тоже не подвела. Она маякнула седьмому, что пора обернуться. В переулке припарковался грузовичок копов, а копы – не Дед Мороз, они часто приходят внезапно и без подарков.

Седьмой открыл дверь и зашел в холл, будучи готовым сыграть случайного интеллигентного прохожего, не желающего ссать на улице, как все. Но охранника на месте не оказалось. Вернее, на своем месте. Охранник лежал у стены и пиялился на седьмого. Потом замычал, то ли прося освободить его, то ли спрашивая пропуск.

– Не, братан, нету пропуска, – остановился на втором варианте седьмой, – я поссать схожу к вам. Я аккуратный.

Не получив внятного ответа, седьмой направился к лестнице. Шестой этаж – не пятьдесят шестой, доберется быстро.

– Девятый! – он вытащил рацию, – в переулке копы, человек десять. Я на лестнице. Иду на шестой.

* * *

Виктор Андреевич искал глазами Аллу Соснину, но пока не видел. Навалил себе салата с креветками и сел пожрать. Антон в живом уголке собрал своих юристов и о чем-то непринужденно беседовал на повышенных тонах. Вечеринка, в общем-то, удалась. Но, если поехать домой не одному, тогда будет действительно баракат.

Зазвонил телефон. На экране высветилось улыбающееся ебло Валеры.

– Вот он блядь, легок на помине, – Витя нажал на кнопку приема вызова, – Да, я тебя слушаю!

Валера по ту сторону был явно возбужден и напуган. Вряд ли его могла так напугать Анечка.

– Что? – переспросил Виктор Андреевич, – тебе пиздец?

Это был интересный поворот событий.

– Ты где? – Витя пытался врубиться в ситуацию, – бежишь? Куда?

Валеру, по его словам, преследовал маньяк. И не его одного, а вместе с Обьебосычем. Валера назвал маньяка Фредди Крюгером, но это было похоже на шутку.

– Оставайся там, мы сейчас будем, – успокоил он Валеру. Потом задумался, где это там, если тот бежит, – спускайся по лестнице на первый этаж. Мы туда приедем.

Витя рванул в живой уголок, заставленный растениями и террариумом с игуаной. Выхватил Антона из порочного круга юристов.

– Скорее. По дороге все объясню.

Антон хорошо знал Витю, поэтому не задавал глупых вопросов.

* * *

Номер первый закурил сигарету. Опустил стекло, чтоб стряхнуть пепел, но передумал. Оттуда на него смотрело лицо. Суровое такое лицо. Там стоял полицейский. А на лицо копа стряхивать пепел может оказаться опасным.

– Не двигаться! – емко сказала лицо копа.

Номер первый двигаться и не собирался. А то раз подвинут, второй подвинут, не заметишь, как окажешься на задворках жизни. Второй коп открыл пассажирскую дверь и заглянул:

– Руки на руль положите, чтоб я их видел!

Номер раз сделал все, как велят, он ведь честный гражданин, а не уголовник какой-нибудь. Он даже хотел еще ногу на педаль газа хуйнуть, но потом отказался от самостоятельности.

– Первый, внимательно! Внизу копы! – заговорила рация голосом номера девять.

«Ахуеть как оперативно! – подумал первый, – это очень ценная и своевременная информация»

Коп мотнул головой, типа рекомендовал ответить.

– Девятый, я в курсе, они в моей машине...

Первого еще в далеком детстве родители учили никогда не врать и говорить только правду. То, что за правду часто приходится страдать, первый понял сам и позже. Фирменный удар по ебалу «От Михалыча» был лишним тому подтверждением.

– Блядь!.. – послышалось из рации, и сеанс связи закончился.

– Ты че творишь, гондон?.. – Михалыч вытащил его из машины, развернул еблом к борту. На руках за спиной защелкнулись браслеты.

– Вы охуели, – констатировал факт номер первый, – за курение в машине раньше только жена ебала мозги. Но по ебалу не была, да и без наручников обходилась...

* * *

Валера смутился, но догадался сделать шаг назад. Фредди Крюгер не смутился ни разу, выбросил вперед левую руку, пытаясь схватить за горло Обьебосыча, но толстячок оказался проворным шопесдец – в секунду он оказался дальше от потенциальной опасности, чем более молодой Валера.

– Че за маскарад? – Валера включил быка, но осторожного.

Крюгер предпочитал действия словам, поэтому замахнулся рукой с лезвиями, не забывая злобно улыбаться для убедительности.

Обьебосыч не был любопытным, поэтому ничего ни у кого не спрашивая, бросился наутек. Валерий Робертович, не найдя понимания у ряженого, тоже развернулся и дал драпака. Коридор был длинным и заканчивался лестницей, а это было спасением. Валера на бегу вытащил телефон и нажал на вызов. Пошел повторный набор последнего номера, через два гудка послышался голос Виктора Андреевича.

– Витек!.. я на восемнадцатом! Тут маньяк! Кто-то вырядился во Фредди Крюгера!

Тут Обьебосыч упал, и Валера, отвлеченный разговором, кубарем полетел через шефа.

– Мне пиздец! – расстроено крикнул он в трубку. Крюгер приближался неестественными шагами. Витя кричал в трубку, что они сейчас придут, и чтоб Валера оставался на месте. Аналитик был категорически против такого варианта, ему не хотелось смерти от руки ебанутого разодетого маньяка. А остаться на месте и не умереть не представлялось возможным. Но Валера попробовал:

– Ебанешь водки? – спросил он возвышающегося над ним человека в шляпе.

– Ты умрешь! – невольно, но довольно убедительно ответил тот.

– Ахуеть! – перекрестился бледный Иосиф Аммосович. Никогда раньше у него на глазах Фредди Крюгер не убивал Валерия Робертовича.

– То есть водку не будешь? – еще раз уточнил Валера, немного отползая, – зря, кстати. Водка продлевает жизнь.

– Ты умрешь! – повторил Крюгер. Дальнейший диалог становился бессмысленным, но Валера попробовал:

– Ты кого убить собираешься? Тупо всех вокруг? Может его? – тут он показал пальцем на Обьебосыча, – может Вову Жириновского? Может Чипа и Дейла?

Крюгер задумался, но из-под шляпы на Валеру по-прежнему смотрело злое ебло, обгоревшее, похожее на запеканку в духовке, политую тертым на крупной терке сыром. Пиздатую запеканку из лица.

– Иосиф! – вспомнил Фредди имя, которое произносили телки, которые призывали его.

Валера понял, что вот он, его шанс. Когда на одной чаше валериных весов была субординация, а на другой – собственная жизнь, у Обьебосыча не было шансов на спасение:

– Иосиф – это он! – аналитик уверенно показал пальцем на босса.

– А чем докажешь? – Аммосович задрожал слегка и пукнул, что в данном контексте было не зазорно, – я и на Иосифа-то не похож.

Фредди Крюгер начал вглядываться в Аммосовича, пытаясь угадать в нем Иосифа, а Валере только этого и требовалось. Круговая подсечка, как в кино, и Фредди уже лежащий маньяк.

– А-а-а, блядь! – выругался Крюгер с паркета.

Валера вскочил и бросился к лестнице. Вниз. Скорее вниз.

* * *

Все двери пятого этажа оборудовались электромеханическими замками и были подключены к контроллерам. Любую из дверей пятого этажа легко можно было открыть карточкой. Любую, кроме двери в 518 помещение. В этой бронированной двери не было электроники. Обычный замок. Обычный ключ, который номер девять вытащил из кармана.

Команда была ровно в трех оборотах ключа от цели. Цели, которую руководство не подключало к системе контроля управления доступом, потому что ни в каком из регистраторов не должно быть данных об открытии этой двери.

– Девятый! В переулке копы, человек десять! – затрещала рация, – я поднимаюсь на шестой...

Это было не охуенно. Не охуенно, и все тут.

– Первый, внимательно! Внизу копы! – переключился номер девять на вторую частоту. Надо было действовать быстро.

– Девятый, я в курсе. Они в моей машине... – затем какой-то шум, похожий на удар в ебло, и тишина. Абонент отключился.

– Отбой! – распорядился девятый, – мы ничего не брали. Просто выходим. Это не криминал. Да, и маски снимите. Третий – собери маски, внизу мусорный контейнер, сунь поглубже.

Крепко выругавшись про себя, он направился обратно к лестнице.

* * *

Номер семь бегом поднялся на шестой этаж, выскочил в коридор. Тот тянулся в обе стороны, но седьмой досконально знал план здания, тем более и на этом задании он не впервые. Повернул направо. Пятьдесят метров до поворота. В коридоре темно, но вот видна открытая дверь 518-го. Один у двери, седьмой по силуэту не смог различить, кто именно. Вот выходит еще один.

– Мужчины! У нас две-три минуты. Они уже внизу. Не разглядел точно, но, по-моему, с оружием. Надо уходить через задние ворота.

Мужчины, к которым обратился седьмой, как будто бы никого не ждали. Они даже удивились, а ближний к седьмому – больше всех, и от удивления вытащил ствол.

– Опа-бля! – седьмой остановился. Интересная ситуация, – вы кто?

– Я – Себастьян Перейра, торговец черным деревом, – представился ближайший к нему, – а это – мои близкие! А ты, хуйло, кто такой?

Седьмому решительно не нравилось все происходящее. Не нравилось, когда его называли хуйлом, не нравилось, когда на конкретный вопрос пытались подбегать с ответом, но больше всего не нравилось, когда тыкали стволом.

Из двери на шум диалога вышел третий:

– Че за нах? – спросил он по-чеховски.

– Терпила какой-то! – ответил первый, со стволом, – сказал, что они уже внизу, и что у нас две-три минуты.

– Кто ты? – вновь вышедший был у них за главного, и видимо он был последним, потому что закрыл дверь, – и кто внизу?

– Я здесь работаю, – ответил седьмой, – внизу копы.

– Сукабля! – не сдержал эмоции главарь. Эти парни тоже не в гости сюда пришли. Главарь вытащил телефон и набрал номер. Долгих десять секунд тишина, – вот блядь, не отвечает!..

– Я пойду? – поинтересовался седьмой, – мне надо идти.

Он не надеялся, что его отпустят, но и стоять здесь смысла не было.

– Мы пойдем с тобой, – главарь убрал телефон в карман, – ты выведешь нас тем путем, которым хотел уйти сам. Будешь нашим заложником, а то твои друзья могут на нас обидеться. Потом отпустим, обещаю.

– Идемте! – седьмой был уверен, что у этих долбоебов нет шансов против его команды, но они самиnapросились.

* * *

Фред упорно преследовал беглецов. Эти два скота умудрились сбежать, хотя были уже у него в руках. Крюгеру нравилось убивать. Убивать и ебацо. Ебацо с этими двумя конечно не вариант, а вот с теми телками, которые его призвали, вполне, вполне. Он не мог поиметь их сразу там, потому что после секса обязательно убивал жертву. А убить этих трех баб – означало вернуться в ад, ибо таковы условия – как только умирает тот, кто вызвал, тот, кого вызвали, возвращается обратно. А ему пока не хотелось туда, и у него было несколько часов на забаву.

Сыкуны побежали к лестнице через запасной выход, ну и хорошо. Кровь и кишки на ступенях всегда вдохновляли Фреда. Толстый беглец постоянно пердел, и маньяку приходилось задерживать дыхание, да еще внимательно смотреть под ноги. Ведь толстяк мог и серануть, а поскользнуться на говне жертвы – моветон. К тому же можно и башкой удариться.

Пролет за пролетом, ступенька за ступенькой. С каждой из них он становился чуть ближе к жертвам.

Внизу слышался шум. Там были еще люди, буквально двумя этажами ниже. Ну что ж, придется захуярить всех.

* * *

Валера стремглав неся вниз. Там спасение, там улица, там люди. Люди и ниибет. Они помогут. Сзади пыхтел Аммосович. Такой толстый, но такой выносливый. Пердел, но не сдавался. Внезапно Валерий Робертович, выскакивая на очередной пролет, вроде третьего этажа, наткнулся на людей. Их было не меньше трех. Крайний обернулся и ткнул в его сторону пушкой.

– А ну, стоять!

Валере совсем не хотелось стоять, но пушка есть пушка. Но аналитик нашел выход:

– Мне туда! – показал он на дверь третьего этажа. Выждав секунду, медленно шагнул в нее и закрыл за собой. Пошли они все нахуй – Обьебосыч, Крюгер, незнакомое вооруженное чмо. Пусть решают свои проблемы сами.

* * *

Номер семь шел вторым, чтоб не сбежал ни вперед, ни назад. По рации выходить на связь он не рисковал, ибо нехуй, когда рядом копы. Эти трое чмырей были с пушками, поэтому геройствовать не надо, хотя с подготовкой седьмого было вполне реально вырубить всех троих.

Они спускались быстро, но тихо. А вот сверху кто-то спускался быстро и очень громко. Седьмому даже слышалось «Стойте, пидарасы!» и «Да иди ты нахуй!». Спускавшиеся быстро приближались, и вот уже первый показался на пролете лестницы.

– А ну, стоять! – замыкающий колонну направил пушку на незнакомого чувака. Тот замер на мгновение, потом показал на дверь, и заскочил в нее. Замыкающий не стрелял, но пушку не убрал. Тут на пролет выскочил красномордый толстяк.

– А ну, стоять! – повторил последний грабитель.

– Бля, там пиздец, мужики! – толстый ни разу ни остановился, просто поднял руки и по-прежнему спускался, – не могу стоять! Бля буду, не могу! Убейте его! Он там!

Толстый показывал рукой наверх, туда, откуда он спускался. Грабитель с пушкой пизднул ему рукоятью в висок и толстый упал на ступени.

И тут на пролет вышла страшная хуйня. Седьмой, хоть и был полноценной боевой единицей, к тому же окруженным людьми с оружием, все же ощутил неприятный холодок на своей спине. А потом хуйня заговорила:

– Вы все умрете!

Седьмой ощутил опасность.

– Стреляй! – крикнул он замыкающему. Впереди идущие положили контейнеры на ступени и достали оружие.

Хуйня совершенно не смущалась пушек и спускалась вниз. Замыкающий выстрелил в ногу. Пуля явно вошла в плоть, но хуйня даже не поморщилась. По ее обгорелому лицу вообще было трудно читать эмоции. Хуйня вытянула правую руку, на которой была напялена перчатка с лезвиями. Рука в кулаке и только средний палец разогнут. Это могло означать все, что угодно, но в данном контексте, скорее всего, намекало, что их миссия провалена. Седьмой протиснулся между чуваками, которые снимали пушки с предохранителей, и были явно увлечены неведомым долбоебом с железной рукой. Это был шанс седьмого, и он решил этим шансом воспользоваться. Шаг, затем еще один, и еще. Позади послышалась стрельба. Затем хуйня повторила «Вы все умрете». Крики – один, второй и третий.

Седьмой летел вниз, перепрыгивая через ступени. Прочь. Подальше от терминатора в полосатом свитере и шляпе.

* * *

– Развяжите его! – Головец показал дулом в сторону Гриши, стойко несущего вахту в позе кокона на полу. Федько и Брагин вытащили кляп, разрезали скotch.

– Ты вызывал? – Головец бросал короткими вопросами в растерянного Григория, – что случилось?

– Они ворвались, – Гриша в уме прокручивал варианты доклада, но все мысли спутались, – пиздили меня, потом пошли наверх, сказали, надо. Потом еще один зашел, говорил, что ссать хочет.

– Всего четверо?

– Да, – Гриша осмелел, – трое минут двадцать назад, а один этот буквально перед вами.

– Оружие?

– Не видел, – охранник потер ушибленное ебло, – меня, по крайней мере, пиздили руками...

– Михалыч! – Головец уже докладывал командиру, – здесь четверо. Вернее три плюс один. Охранник связан первыми тремя. Как обстановка?

– У меня минивэн и водитель в нем. Говорит, еще восемь внутри, но заходили семеро через транспортный вход и один через главный. Без оружия. Шестой этаж. Про еще трех он не в курсе.

– Понял тебя! Выдвигаемся! Отбой!

– Федько, Брагин, проверьте сортир, вдруг четвертый реально поссать зашел. Остальные за мной – шестой этаж. Ориентировочные цели семь плюс три плюс один. Могут быть вооружены.

* * *

Михалыч стрельнул у задержанного сигарету и закурил. Дыбенко держал на прицеле выход, а сзади еще Мутко наблюдал за этой картиной через оптику своей ВСС. Ситуация была под контролем. Тем более водила сказал, что они фактически грузчики, это может подтвердить руководство компании, оружия при них никакого нет, ничего запрещенного тоже. Михалыча смутил только тот факт, что Головец поведал о четырех людях, вошедших через главный вход, хотя водила заверял, что там проходил только один. Минут через десять дверь открылась. В колонну по одному выходили люди в черном. Грузчики в форме спецназовцев, блядь... Восемь человек, все без оружия.

– Че за проблемы, командир? – старший. Высокий брюнет, гладко выбрит, уверен в себе.

– Ты бригадир? – Михалыч привык сам вести подобные диалоги.

– Я, – согласился тот, – только не понимаю, к чему эскорт? Вооруженный, к тому же...

– Где еще четверо? – нахрапом продолжил Михалыч.

– Какие четверо? – удивился бригадир, – один еще. Пошел уведомить охрану, что мы приехали.

– И как, уведомил? – Михалыч усмехнулся.

– Вернется, у него и спросите, – ответил бригадир, – а нам зря мозги ебете. Вы же, небось, почтальонов не пиздите по ебалу? Или аптекарей с ноги в живот?

– Тебе права твои зачитать? – Михалыч начинал злиться, – среди них нет права грубить офицеру при исполнении!

Спор мог затянуться, но тут из дверей выскочил еще один, для копов незнакомый, для остальных известный, как номер семь.

– Там реально пиздец! – номер семь был бледен, – приготовьте оружие! Там маньяк!

Седьмой тем самым намекал Дыбенко, что сейчас придется пострелять.

Михалыч расстегнул кобуру. Дыбенко открыл дверь и заглянул вовнутрь.

– Ты умрешь! – послышалось оттуда.

– Поднимите руки вверх! – заорал бравый сержант, – бросьте оружие!

Огнестрельного оружия у маньяка не было, а холодное он бросать не захотел, только усмехнулся и направился на Дыбенко.

Сержант перевел «кедр» на стрельбу одиночными и жажнул по ногам маньяка.

– Вот блядь! – выругался тот, – вы ж мне все ноги отстрелите!

Но даже не захромал.

Михалыч вытащил ПМ. Снял с предохранителя, добежал до двери и охуел. Фредди Крюгер, как он есть. Михалыч еще в детстве ссыковал, когда смотрел про него фильмы. Даже боялся уснуть потом, ведь Фредди приходит во сне.

У Дыбенко маньяк видимо вызвал другие ассоциации:

– Боярскей, каналья! – заорал сержант, – сымай свою шляпу, маскарад окончен!

И переключил на стрельбу очередями.

Михалыч удивленно посмотрел на напарника, но ничего не сказал.

Маньяк сделал еще один шаг вперед, а потом кубарем полетел вниз, да так, что Дыбенко с Михалычем с трудом успели отскочить в стороны. Шляпа слетела с маньяка, и стражи порядка увидели морщинистую обожженную башку.

«Фу, бля...» и «Это не Боярский...» синхронно произнесли они.

* * *

Витя торопился на помощь аналитику. Антон не отставал.

– Че случилось-то? – на ходу спрашивал он.

– Звонил Валера сейчас, сказал, что маньяк тут, на восемнадцатом. Убивает их с Обьебосычем...

– Хуйня какая-то, – не поверил Антон, – а что он вообще делал с Обьебосычем на восемнадцатом? Не ебался ведь?

– Потом узнаем, – Витя открыл дверь восемнадцатого этажа, – ты проверь этаж. Я вниз. Он собирался туда бежать. Будь осторожен, если что, звони. Ну, и беги, ясен хуй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.